

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Второе предисловие	12
Третье предисловие	13
КНИГА ПЕРВАЯ	21
КНИГА ВТОРАЯ	185
РАЗЛИЧНЫЕ ФРАГМЕНТЫ	329
ПРИЛОЖЕНИЕ	423

ПРЕДИСЛОВИЕ [1]

[1] Май 1826 года. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, цифрами обозначены примеч. авт.*

Данное произведение не имело никакого успеха; его сочли невразумительным, и не без оснований. Поэтому в новом издании автор прежде всего старался донести свои мысли со всей ясностью. Он поведал, как они пришли ему в голову; он написал предисловие, введение, чтобы все прояснить; и, несмотря на все эти старания, из ста читателей, прочитавших «Коринну», не найдется и четырех, которые поймут предлагаемую книгу.

Хотя этот небольшой том посвящен любви, он не является романом и — главное — он не так занимателен, как роман. Это просто точное и научное описание некоторого подобия безумия, весьма редкого во Франции. Господство приличий, каждодневно усиливающееся не столько из-за чистоты наших нравов, сколько из-за страха насмешек, превратило само слово, ставшее названием этого произведения, в термин, который избегают произносить как таковой и который может даже показаться шокирующим. Я же был вынужден употребить его, полагая, что научная строгость языка предохранит меня от любых упреков по данному поводу.

* * *

Я знаком с одним или двумя секретарями посольств, которые по возвращении смогут мне быть полезными. А до тех пор что я мог бы сказать людям, отрицающим факты, которые я описываю? Лишь попросить их не слушать меня.

Выбранную мной форму повествования можно упрекнуть в *эготизме*. Путешественнику позволено сказать: «Я был в Нью-Йорке, откуда я отплыл в Южную Америку, я добрался до Санта-Фе-де-Богота. На протяжении всего пути *меня* донимали комары и москиты, и на три дня я лишился возможности использовать правый глаз».

Никто не обвиняет этого путешественника в том, что он чересчур охотно говорит о себе; ему прощают все эти *я* и *меня*, поскольку в такой манере доходчивее и интереснее всего рассказывать о том, что он видел.

Вот и автор настоящего путешествия в малоизвестные области человеческого сердца по мере своих сил стремится к подобной доходчивости и выразительности, когда повествует: «Я вместе с г-жой Герарди отправился в соляные копи Халляйна... Принцесса Крешенци рассказала мне в Риме... Однажды в Берлине я увидел красавца капитана Л.». Автор пятнадцать лет прожил в Германии и Италии, и все эти мелкие события действительно с ним произошли. Но, будучи скорее любопытным, нежели чувствительным, он никогда не переживал даже малейшей любовной интриги и не испытывал лично таких чувств, которые заслуживали бы того, чтобы их описывать; а если предположить, что у него были любов-

ные интриги, способные потешить его гордыню, то куда более сильная гордость, чувство иного порядка, вряд ли позволила бы ему отдавать в печать то, что у него на сердце, продавая это публике за шесть франков, подобно тем людям, которые издают свои мемуары при жизни.

Когда в 1822 году автор делал правку этого своеобразного морального путешествия по Италии и Германии, где описывал те или иные предметы в тот день, когда он их видел, к рукописи, содержащей подробное изложение всех стадий болезни души под названием *любовь*, он относился с тем слепым почтением, какое ученый XIV века проявлял к только что найденному манускрипту Лактанция или Квинта Курция. Когда автор наталкивался на какой-то трудно-распознаваемый отрывок, а это, по правде говоря, с ним частенько случалось, он всегда винил свое тогдашнее я. Он признается, что его почтение к древней рукописи дошло до того, что он напечатал несколько отрывков, которые сам уже не понимает. Нет ничего безрассуднее для того, кто хоть немного задумался бы об одобрении публики; но автор, вернувшись в Париж после долгих странствий, считал невозможным добиться успеха, не угодничая перед газетчиками. Однако раз уж приходится прибегать к угодливости, то лучше приберечь ее для первого министра. Так как о том, что называется успехом, не могло быть и речи, автор развлекал себя тем, что публиковал свои мысли именно в том виде, в каком они к нему приходили. Так же в прошлом поступали греческие философы, чья практическая мудрость приводит его в восхищение.

Чтобы проникнуть в частную жизнь итальянского общества, нужны годы. Похоже, мне довелось стать последним путешественником по этой стране. Со времен *карбонаризма* и австрийского нашествия в салонах, где когда-то царило безудержное веселье, ни одного чужеземца уже не примут в качестве друга. Он увидит памятники, улицы, городские площади, но никоим образом не сумеет вникнуть в жизнь общества; иностранец всегда будет вызывать страх; местные жители заподозрят в нем шпиона, или у них возникнут опасения, а вдруг он насмехается над битвой при Антродоко и над теми низостями, к которым тут прибегают и без которых немыслима жизнь в этой стране, чтобы избежать преследования со стороны восьми или десяти министров и фаворитов, окружающих правителя. Я очень хорошо относился к местным жителям и мне удалось разглядеть правду. Порой я по десять месяцев подряд не произносил ни слова по-французски, и, если бы не беспорядки и *карбонаризм*, я бы никогда не вернулся во Францию. Добродушие — вот что я ценю превыше всего.

Несмотря на все мои усилия быть ясным и понятным, я не могу творить чудеса; я не могу вернуть слух глухим или зрение слепым. Так, люди, приверженные деньгам и грубым радостям, заработавшие сто тысяч франков за год, предшествовавший тому моменту, когда они открывают эту книгу, должны очень быстро ее закрыть, особенно если они банкиры, фабриканты, уважаемые промышленники, то есть люди с исключительно позитивным мышлением. Более понятной эта книга оказалась бы для того, кто выиграл большие деньги на бирже или в лотерею. Такой выигрыш вполне сочетается с привычкой про-

водить целые часы в мечтаниях, наслаждаясь эмоциями, которыми вас одаряют картины Прюдона, музыкальные фразы Моцарта или какой-то особенный взгляд женщины, о которой вы часто думаете. Люди, в конце каждой недели выдающие зарплату двум тысячам рабочих, *тратят свое время* не так; их ум всегда направлен на нечто полезное и позитивное. Они вспыхнули бы ненавистью к упомянутому мною мечтателю, если бы располагали на то досугом; именно его они охотно сделали бы объектом своих насмешек. Миллионер-промышленник смутно ощущает, что такой человек ставит идею выше мешка с тысячей франков.

Я отвергаю и того прилежного юношу, который в тот самый год, когда промышленник зарабатывал сто тысяч франков, овладел новогреческим языком, чем он так гордится, что уже нацеливается на изучение арабского. Я прошу не открывать эту книгу любого человека, который не был несчастен из-за воображаемых, *не имеющих никакого отношения к тщеславию* причин, которые ему было бы очень стыдно предавать огласке в салонах.

Я совершенно уверен, что вызову недовольство у тех женщин, которые в этих же салонах решительно завладевают вниманием посредством своего постоянного жеманства. Некоторых мне удалось застать врасплох: они были искренне потрясены тем, что, проверяя себя, уже не могли определить, было ли только что выраженное ими чувство естественным или притворным. Как могут такие женщины судить об изображении истинных чувств? Поэтому данное произведение стало для них *жуупелом*; они сказали, что автор, должно полагать, человек недостойный.

Внезапно краснеть, вспоминая некоторые поступки своей юности; совершать глупости по нежности сердца и горевать о них, не потому, что ты был смешон в глазах многочисленных завсегдатаев салона, а потому, что показался смешным в глазах определенной особы, находившейся в этом салоне; в двадцать шесть быть искренне влюбленным в женщину, любящую другого, или еще (но это такая редкость, что я едва осмеливаюсь написать об этом, опасаясь снова впасть в *невразумительность*, как в первом издании) входя в салон, где оказалась женщина, которую мы, как нам кажется, любим, думать только о том, чтобы прочитать в ее глазах то, что она в данный момент думает о нас, и не иметь никакого понятия о том, чтобы *вложить любовь* в наши собственные взоры: такой опыт я потребую от моего читателя. Людям с позитивным мышлением представилось неясным описание многих из этих тонких и редких ощущений. Как мне стать понятным для них? Объявить им о повышении на бирже на пятьдесят сантимов или об изменении таможенного тарифа в Колумбии [2]?

[2] Мне говорят: «Уберите этот отрывок, он слишком правдивый; но берегитесь промышленников; они будут кричать, что вы аристократ». В 1817 году я не боялся генеральных прокуроров; почему же в 1826 году я должен бояться миллионеров? Корабли, поставленные паше Египта, открыли мне глаза на их счет, а боюсь я лишь тех, кого уважаю.

В предлагаемой книге просто, разумно, так сказать, математически, объясняются различные чувства, которые сменяют друг друга и совокупность которых называется любовной страстью.

Представьте себе довольно сложную геометрическую фигуру, начертанную белым мелком на большой грифельной доске: итак, я собираюсь объяснить особенности этой геометрической фигуры; но необходимым условием является то, что она должна *уже существовать* на грифельной доске; я не могу начертить ее сам. Из-за подобного противоречия становится чрезвычайно трудно писать о любви книгу, не являющуюся романом. Чтобы с интересом следить за *философским исследованием* этого чувства, от читателя требуется нечто иное, нежели ум; совершенно необходимо, чтобы ему довелось увидеть любовь. И где же можно увидеть страсть?

Вот коллизия, которую я никак не смогу устранить.

Любовь подобна так называемому *Млечному Пути* на небе, яркому скоплению, образованному множеством маленьких звезд, каждая из которых нередко представляет собой туманность. В книгах описано четыреста или пятьсот мелких, сменяющихся и труднораспознаваемых чувств, которые мимикрируют под эту страсть, и самых непристойных, и заблуждающихся, зачастую принимающих второстепенное за главное. Лучшие из этих книг, такие как «Новая Элоиза», романы г-жи Котен, «Письма» м-ль де Леспинас, «Манон Леско», были написаны во Франции, стране, где растение по имени любовь всегда боится насмешек, подавлено требованиями *национальной* страсти — тщеславия, и почти никогда не достигает своей истинной высоты.

Так что же значит — познавать любовь с помощью романов? Неужели тем, кто прочел описание любви в сотнях известных романов, но никогда ее не

испытывал, останется лишь искать объяснение этого безумия в предлагаемой книге? Я отвечу, как эхо: «Это безумие».

Бедная разочарованная молодая женщина, желаете ли вы снова насладиться тем, что так занимало вас несколько лет назад, о чем вы не смели ни с кем говорить и что едва не лишило вас чести? Именно для вас я переделал эту книгу и постарался сделать ее более понятной. Сначала прочтите ее, а затем всегда бросайте в ее адрес короткую презрительную фразу, и засуньте ее в ваш книжный шкаф из лимонного дерева позади других книг; я бы даже посоветовал вам оставить несколько страниц неразрезанными.

Для несовершенного существа, возмнившего себя философом, дело не ограничится лишь несколькими неразрезанными страницами, оттого что ему всегда были чужды те безумные эмоции, которые все наше счастье в течение целой недели ставят в зависимость от одного взгляда. Иные, достигнув зрелого возраста, решительно намереваются позабыть о том, как однажды они могли опуститься до такой степени, чтобы ухаживать за женщиной и подвергать себя унижению отказа; эта книга вызовет их ненависть. Среди множества умных людей, порицавших это произведение по разным причинам, но всегда гневно, смешными мне показались только те, которые проявляют двойное тщеславие — они утверждают, что всегда стояли выше слабостей сердца, и при этом считают, будто обладают достаточной проницательностью, чтобы судить *априори* о степени точности философского трактата, который является лишь последовательным описанием всех этих слабостей.

Серьезные особы, пользующиеся в свете репутацией людей мудрых и отнюдь не романтических, стоят гораздо ближе к пониманию романа, какие бы страсти он ни разжигал, нежели философской книги, где автор холодно описывает различные стадии болезни души под названием *любовь*. Роман способен их немного растрогать; но что касается философского трактата, эти мудрые люди подобны слепцам, которым зачитали описание картин в музее и которые затем скажут автору: «Признайтесь, сударь, что произведение ваше ужасно непонятное». И что произойдет, если эти слепцы окажутся остроловами, которые с давних пор обладают этим званием и решительно претендуют на право быть прозорливыми? Бедному автору порядком достанется. Именно это и произошло с ним, когда вышло первое издание. К настоящему времени несколько экземпляров уже сожжены яростным огнем тщеславия некоторых записных остроловов. Я уже не говорю об оскорблениях, в равной степени яростных и лестных: автора объявили грубым, безнравственным, пишущим для простонародья, опасным человеком и так далее. В странах, изнуренных монархией, подобные титулы — вернейшая награда тому, кто вздумает писать о морали и не посвятит свою книгу современной госпоже Дюбарри. Сколь благословенной была бы литература, если бы она не становилась модной и ею хотели бы заниматься только те люди, для которых она предназначена! Во времена «Сида» Корнель был всего лишь *добряком* для маркиза Данжо*. Сегодня все мнят себя способными читать г-на де Ламартина; тем лучше

* См. стр. 120 «Мемуаров» Данжо, издательство «Жан-лис». — *Примеч. ред.*